

Игорь Бутман

Джаз для Оксаны

«Если бы я не стал музыкантом, стал бы бандитом».

Игорь Бутман идеально подходит под определение «человек-оркестр». Он умеет делать одновременно с десяток дел и оттого кажется вездесущим, как Фигаро. Руководит джазовым оркестром, который считается одним из лучших в стране. Играет симфоническую музыку с Башметом, гастролирует с антрепризой Козакова, устраивает джазовые фестивали, записывает альбом с Мазеевым, ведет еженедельную телепрограмму «Джазоффрения», аккомпанирует Казарновской, пишет музыку для фильма Абдулова «Бременские музыканты». У него есть еще свой квартал, который недавно тешил

слух Владимира Путина и Билла Клинтона, а 19 июля именно он играл на открытии ММКФ. А еще у Бутмана есть жена Оксана (красивая и умная) и сын Данила (крайне непоседливый).

— Ты дважды выступал перед высшими чинами России и США. Давай начнем с первого. Почему именно ты?

— Коржаков в своей книге написал, что все это придумал его коллега Барсуков. На самом деле было не так. Начальник службы протокола Ельцина Владимир Шевченко

увидел мое выступление на дне рождения директора завода им. Хруничева. А в это время как раз визит Клинтона намечался, и в определенных кругах репили, что меня ему не стыдно показать.

— С таким же успехом и Клинтон мог тебя пригласить выступить перед Ельциным, ведь на тот мо-

мент ты был эмигрантом. Ты же тогда еще жил в Америке.

— Жил, но довольно часто приезжал в Москву. Во-первых, я начал встречаться с Оксаной, а во-вторых, начали налаживаться связи с местной джазовой тусовкой. И потом у меня был русский паспорт, и я действительно, несмотря ни на что, люблю Россию. С другой стороны, я учился в Америке, хватался много чего, поэтому у меня форя была перед многими.

— А почему уехал, если так любишь Россию?

— В какой-то степени это был политический отъезд. Шел уже 1987 год, перестройка, а мне по непонятной причине не дают загранпаспорт, чтобы я мог с ансамблем «Аллегро» поехать в Югославию. Словом, все эти советские порядки мне надоели.

— Ты думал, что уезжаешь навсегда?

— Я не думал, что вернусь и буду делать карьеру в России. Но сказал друзьям: «Если у меня ничего не получится за три года, приеду обратно».

— Когда ты понял, что «получилось»?

— Мне неожиданно повезло сразу.

— Тебе было лет двадцать шесть тогда?

— Двадцать пять. Но я еще в России успел поиграть с Дэйвом Брубеком, общался с известными джазменами Гровером Вашингтоном и Патом Метени. Буквально на третий день в Америке я пошел на концерт Брубека. Он меня узнал и тут же спросил, взял ли я с собой саксофон? Я сказал: «Нет».

— Почему не взял-то?!

— Свой саксофон я не смог вывезти из Союза, а в Америке еще не успел купить новый.

— А что, нельзя было инструменты из страны вывозить?

— Нельзя, хотя это бред. Это был мой собственный инструмент, я его сам купил, не украл. Но Брубек все равно пригласил меня на сцену и пред-

Играй, гармонь!

ставил публике: «Вот это Игорь Бутман, саксофонист из России, он только что приехал, он замечательный музыкант, я прошу ему поаплодировать!» А потом Дэйв предложил мне выступить с ним. Я пошел в музыкальный магазин, показал свои пластинки, и мне под честное слово дали саксофон в аренду. Вскоре я созвонился с менеджером Пата Метени, который мне сделал первую работу на открытии ресторана, уже за деньги. Я получил триста пятьдесят долларов и чуть не умер от счастья. Потом Гровер Вашингтон пригласил меня сыграть в Blue Note (самый престижный джазовый клуб Нью-Йорка. — М. Г.). Через какое-то время я выступил с Патом Метени, Гари Бертоном, еще с кем-то и наконец получил стипендию в Беркли (ведущее джазовое учебное заведение США. — М. Г.).

— Трудно туда поступить?

— Обучение стоит четыре-пять тысяч долларов за семестр. Там смотрят рекомендации, слушают твои записи, читают всякие благодарности, вырезки из газет, журналов. На основании этого дают стипендию. Мне дали полную стипендию, то есть я ничего не платил за обучение.

— У тебя репутация человека удачливого и пробивного, который легко претворяет в

